

ЗАВИСТЬ ФЛАККА И ВРАЖДА С НАВИНОМ:
из комментария к стихотворению Баратынского
«Спасибо злобе хлопотливой...»

Наталья Мазур
(Москва — Санкт-Петербург)

Спасибо злобѣ хлопотливой,
Хвала вамъ, недруги мои!
Я не усталый, но лѣнливый
Ужъ пиль Летійскія струи.

Слегка съдѣющій мой волосъ
Любилъ за право на покой,
Но вотъ къ борьбѣ глухой вашъ голосъ
Меня зоветь и будить мой.

10 Спасибо вамъ, я не въ утратѣ!
Какъ богоизбранный Еврей,
Остановили на закатѣ
Вы солнце юности моей!

Спасибо! молодость вторую
И человѣческимъ сынамъ
До сель безвѣстную пирую
Я въ зависть Флакку, въ славу вамъ!

Упоминание Квинта Горация Флакка в финальной строке этого стихотворения может служить указанием на его тематическую близость с поздними посланиями Горация, сквозным мотивом которых стало прощание с молодостью и поэзией. Эта тема введена в начальных строках первой книги (Epist. I, 1: 4, 7–10):

Non eadem est aetas, non mens. <...>
Est mihi purgatum crebro qui personet aurem:
«Solue senescentem mature sanus equum, ne
peccet ad extremum ridendus et ilia ducat».
Nunc itaque et uersus et cetera ludicra pono.

Не те же годы уж мне, и мысль уж не та же. <...>
В уши уж очищенны часто слышу голос
Звонко мне советовать: коню что стареет
Благовременно покой дай, буде ты зваться
Умным хочешь, дабы той напоследок зрящих
В смех падежом не привел и не впал в одышку.
Ныне убо и стихи оставя и шутки...¹

Ср. также во втором послании второй книги (Epist. II, 2: 54–56):

Singula de nobis anni praedantur euntes;
eripere iocos, uenerem, conuiuia, ludum;
tendunt extorquere poemata; quid faciam uis?

Годы бегут, и у нас одно за другим похищают:
Отняли шутки, румянец, пирушки, любви шаловливость;
Вырвать теперь и стихи уж хотят: что писать мне велишь ты?²

¹ Квинта Горация Флакка Десять писем первой книги. Переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатнаго некотораго охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов / [Перевел А.Д. Кантемир]. СПб., 1788. С. 32–33. По сведениям Е.В. Свиясова (Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. / Сост. Е.В. Свиясов. СПб., 1998. С. 303), к 1843 г. других русских переводов этого послания в печати не появлялось.

² Перевод Н.С. Гинцбурга здесь и далее цитируется по изд.: Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. Согласно Свиясову (Античная поэзия... С. 303), до Гинцбурга русских переводов этого текста в печати не появлялось. Баратынский мог пользоваться французскими переводами –

Просьба вернуть ему молодость содержится в послании Горация к Меценату (Epist. I, 7: 25–28) (на эту параллель мне любезно указал Г.М. Дашевский):

Quodsi me noles usquam discedere, reddes
forte latus, nigros angusta fronte capillos,
reddes dulce loqui, reddes ridere decorum et
inter uina fugam Cинаrae maerere proteruae.

Но естли хочешь, чтоб я был век неотходен
При тебе, возврати мне прежнюю силу тела,
Черны волосы на лбу узком, и речь сладку,
Возврати приятной смех, и в пирах охоту
Тужить, что бежит меня упряма Цинара³.

Ст. 3–4: *Я не усталый, но лънивий / Ужъ пиль Летійскія струи* близки к началу 14-го эпода (Erod. XIV, 1–8):

Mollis inertia cur tantam diffuderit imis,
oblivionem sensibus,
pocula Lethaeos ut si ducentia somnos
arente fauce traxerim,
candide Maecenas, occidis Saepe rogando:
deus, deus nam me vetat
inceptos, olim promissum carmen, iambos
ad umbilicum adducere.

Вялость бездействия мне почему столь глубоким забвеньем
все чувства переполнила,
Словно из Леты воды снотворной я несколько кубков
Втянул иссохшей глоткою?
Часто вопросом таким ты меня, Меценат, убиваешь.
То бог, то бог мне не дает
Ямбы начатые — песнь, что давно уж тебе обещал я —
Закончить, свиток закрутив⁴.

Ст. 7–8: *Слегка сдѣющій мой волосъ / Любилъ за право на покой, / Но вотъ къ борьбѣ глухой вайшь голосъ*⁵ / *Меня зоветъ и будитъ мой* — могут быть сопоставлены и с процитированной выше просьбой Горация вернуть ему черноту волос («reddes <...> nigros angusta fronte capillos», Epist. I, 7: 26), и с упоминанием преждевременной седины в финале последнего послания первой книги — «К стихам моим» (Epist. I, 20: 24–27):

...corporis exigui, praecanum, solibus aptum,
irasci celerem, tamen ut placabilis essem.
Forte meum siquis te percontabitur aeuum,

ср., например, много раз переиздававшееся параллельное издание Пьера Дарю: «...le temps s'envole: / Amour, gaîté, festins; jusqu'au plaisir frivole: / De compasser des mots: l'âge m'a tout ravi» (Oeuvres complètes d'Horace, traduites en vers par P. Daru. Ed. 5. T. 4. Paris, 1819. P. 185).

³ Квинта Горация Флакка Десять писем... С. 99–100. Согласно Свиясову (Античная поэзия... С. 303), к 1843 г. перевод Кантемира был единственным.

⁴ Перевод Н.С. Гинцбурга; по сведениям Свиясова (Античная поэзия... С. 301), до его публикации в 1936 г. русских переводов этого эпода в печати не появлялось. Ср. перевод Дарю: «Quoi! cher Mécène, quoi! sans cesse / Tu veux à mon cœur amolli / Reprocher sa longue paresse, / Comme si du fleuve d'oubli / J'avais bu l'onde enchanteresse? / Un Dieu, tyran de mes esprits; / Un Dieu dont le feu me dévore, / Cher Mécène, n'a pas permis / Que ma muse polît encore / Les vers qu'elle t'avait promis» (Oeuvres complètes d'Horace... T. 2. Paris, 1819. P. 247).

⁵ Рифмопара *голос – волос* в этом тематическом контексте отсылает к финальным строкам стихотворения «Были бури, непогоды...» (не позднее февраля 1839): *Не положишь ты на голосъ / Съ черной мыслью бѣлый волосъ!* Характерно, что автор недоброжелательной рецензии на «Сумерки» в «Литературной газете» процитировал в финале «Были бури, непогоды...» как пример текста, в котором отсутствует «мысль, изящно выраженная». — Литературная газета. Вестник наук, искусств, литературы, новостей, театров. 1842. № 32. 16 августа. Критика и библиография. Русская литература. С. 663–665. Цит. по: Е.А. Боратынский. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1: Стихотворения 1835–1844 годов. М., 2012. С. 509.

me quater undenos sciat impleuisse Decembris...

Мал телом измолоду, сед, снося зной солнца
Без трудности, к гневу скор, но скор же смириться;
Если кто по случаю спросит мои лета,
Скажи, что исполнилось сорок и четыре...⁶

С автоописанием Баратынского в «Спасибо злобе хлопотливой» этот фрагмент позволяют соотнести не только мотивы седины и гневливости, но и упоминание точного возраста: в момент создания комментируемого стихотворения его автор был почти полным ровесником Горация.

Таким образом, эксплицитно противопоставляя себя Флакку, на уровне подтекста Баратынский сблизил себя с ним. За двадцать с лишним лет до того шутовское сравнение с великим поэтом древности стало предметом поэтического диалога между Баратынским и Дельвигом: на послание первого «Так, любезный мой Гораций...» (1819) второй отвечал «За то ль Евгений, я Гораций...» (1819). Эта нескромная прономинация не осталась незамеченной их литературными оппонентами: Б.М. Федоров в сатире «Союз поэтов» распространил ее и на самого Баратынского, и на третьего члена «союза поэтов» — Кюхельбекера:

Один напишет: *мой Гораций!*
Другой в ответ: *любимец граций!*
И третий друг
Возвысив дух,
Кричит: *вы, вы любимцы граций!*
А те ему: *о наш Гораций!*
<...>
А я скажу питомцам муз:
Цвети хвалебный ваш союз,
Друг друга прославляйте,
Друг друга разбирайте,
С Горацием равняйте...⁷

Молодые члены «союза поэтов» любили отождествлять себя с Горацием и варьировать эпикурейские мотивы его поэтической молодости, а недоброжелательные критики бранили их за излишне самонадеянные сравнения. Зрелый Баратынский, отвечая новому поколению литературных недругов, иронически возвышает себя над римским поэтом («на зависть Флакку») и подкрепляет центральную тему своего стихотворения («*утрата и возвращение молодости*») многочисленными гораццианскими отсылками.

* * *

Ст. 10–12. *Какъ богоизбранный Еврей, / Остановили на закатъ / Вы солнце юности моей!* — Баратынский очевидным образом имеет в виду следующий эпизод из книги Иисуса Навина (Нав. 10: 12–13):

...и рече Иисусъ: да станеть солнце прѣмо Гавабну, и лунá прѣмо дѣбри Елѡнъ. И стá солнце и лунá въ стоян ии, дѡндеже отмстѣ Б ѡгъ враг ѡмъ ихъ . Не сѣ ли естъ писано въ книгахъ праведнаго: и стá солнце посредѣ небесѣ и не идяше на западь въ совершѣние днѣ единаго?⁸

В русской литературе сравнение с Навином было закреплено в сугубо положительном ключе за Державиным⁹, Баратынский же применил его к своим

⁶ Кантемир А.Д. Сатиры и другие стихотворческие сочинения. СПб., 1762. С. 163. Мотив ранней седины сохранен в переводе Дарю: «Grison avant le temps, petit de corps, frileux / Trop prompt à m'emporter, mais à calmer facile. / Que si quelqu'un cherchait mon âge dans mes vers, / Dis-lui que, <...> / J'avais depuis quatre ans, compté quarante hivers» (Oeuvres complètes d'Horace... Т. 4. Paris, 1819. P. 145, 147).

⁷ Поэты 1820–1830-х гг. Т. 1. Л., 1972. С. 203.

⁸ «...и сказал пред Израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим».

литературным врагам. Объяснение для парадоксальной, на первый взгляд, смены коннотаций можно найти в необычных риторических приемах, к которым прибегли авторы двух критических откликов на «Сумерки».

Анонимная рецензия в «Библиотеке для чтения», написанная характерным стилем О.И. Сенковского, начиналась с пространнейшего рассуждения об астрономии:

Насчет сумерок, я думаю, что они тогда только становятся приметными, когда солнце оставляет горизонт, или когда оно помрачается. Эта мысль пришла мне в последнее затьмение, 26 июня. Луна, конечно, блестит очень изрядно впотьмах: светило хоть куда, в ночное время! Даже и днем, как-скоро она поместится против солнца, все примечают ее, все об ней толкуют. Не будь солнца, луна решительно была бы незаметна во вселенной; никто не знал бы о существовании луны. И я сделал наблюдение, что таких лун, которые помещаются против солнца и заставляют всех говорить о себе, очень много на свете. Есть солнца на земле, которые проливают на нее еще более свету чем то, которое затьмилось 26 июня. В их свете ходят поколения. Без них человек блуждал бы во мраке, будь на небе даже десять таких солнц как то, которое затьмилось. Это — гениальные люди. Это — великие таланты. И есть такие луны, тела круглые, темные, которые не светят сами собою, но становятся светлыми и довольно блестящими, как-скоро эти солнца озарят их своими лучами. Эти тела круглые, темные — головы с посредственными дарованиями. Они непременно требуют такого освещения чтобы сделаться заметными. Сама природа назначила их быть спутниками солнц, или гениев. Эти солнца, освещая эти головы преимущественно, имеют дар обнаруживать в них много прекрасного и необыкновенного, и делают из них весьма полезные ночные светила. <...> Пушкин тоже имел свои луны. Как-скоро луч его славы упал на них, они начинали нам присвечивать, и мы удивлялись красоте этих второстепенных светил. Лишь-только это яркое солнце угасло, и все луны исчезли в общей темноте. Таково свойство отраженного свету!

Я говорю это единственно по случаю затьмения и луны, а вовсе не насчет «Сумерок» господина Баратынского. Его «Сумерки» — сумерки хоть куда. Они были бы приметны даже и в таком случае, когда б солнца совсем не существовало; когда б все было мрак и тьма; когда б четыре радужные луча Пушкина не проливали на них своего волшебного свету: <далее цитируется эпиграмма Пушкина «Стих каждой повести твоей» в защиту поэмы Баратынского «Эда»>¹⁰.

Весь этот пассаж понадобился автору для того, чтобы подчеркнуть второстепенность дарования Баратынского: в молодости он был замечен в лучах пушкинского солнца и померк после его заката¹¹.

Белинский решил обозреть «Сумерки» вместе с предшествующим сборником 1835 г. и изложил свой взгляд на творчество Баратынского «в обратной перспективе»: от «Сумерек» он перешел к собранию 1835 г., от него — к «Балу» и «Эде», завершив разбор юношескими «Пирами». Ретроспективное движение понадобилось ему для того, чтобы продемонстрировать «обыкновенный и бедный» талант Баратынского:

...все поэты, по нашему мнению, разделяются на два разряда. Одни называются великими, и их отличительную черту составляет развитие: по хронологическому порядку их созданий можно проследить диалектически развивающуюся живую идею, лежащую в основании их творчества и составляющую его пафос. Неподвижность, т.е. пребывание в одних и тех же интересах, воспевание одного и того же, одним и тем же голосом, есть признак таланта обыкновенного и бедного. Бессмертие — удел движущихся поэтов¹².

⁹ Ср. в стихотворении Державина «Привратнику» (1808): «Един есть бог, един Державин, / Я в глупой гордости мечтал; / Одна мне рифма — древний Навин, / Что солнца бег останавливал». — Державин Г.Р. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957. С. 344. Ср. также сравнение Державина с «вождем Израиля, останавливающим солнце»: Полевой Н.А. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. 74.

¹⁰ Библиотека для чтения. 1842. Т. 53. № 7 (ценз. разр. 30 июня; вышел 4 июля). Отд. VI: Литературная летопись. Июнь, 1842. Новые книги. Цит. по: Е.А. Баратынский. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 501–502.

¹¹ Ср. также сравнение «Сумерек» с ранней поэзией Баратынского — не в пользу первых — в рецензии «Литературной газеты», где расцвет творчества поэта, характерным образом поименованного «творцом “Эдды”», отнесен к 1820-м гг.

¹² Белинский В.Г. Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского. Москва, 1842. Стихотворения Евгения Баратынского. Две части. Москва, 1835 // Отечественные записки. 1842. Т. XXV. № 12

Метафоры солнца и луны из рецензии «Библиотеки для чтения» вкупе с образом неподвижного таланта из статьи Белинского, на наш взгляд, и лежат в подтексте сравнения литературных недругов с Иисусом Навином¹³.

(ценз. разр. 30 ноября; вышел 1 декабря); Отд. V: Критика. Цит. по: Е.А. Боратынский. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 547.

¹³ Эта гипотеза позволяет уточнить датировку стихотворения, предложенную в новейшем издании, где на основании пометы в альбоме Н.Л. Боратынской «В 1842 и в 1843» оно датируется предположительно: <1842–1843?>. Нижнюю границу создания текста мы предлагаем установить по первому отклику на «Сумерки» Сенковского (?) в «Библиотеке для чтения», вышедшей 4 июля 1842 г.